

***Сергель Борис Иосифович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

***Сергель Борис Иосифович, 83 года, активист «Региональной
организации «Союз бывших малолетних узников фашистских
концлагерей», учитель истории.***

*Нашей маме,
Елизавете Кирилловне,
посвящается*

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ

Зодчие Руси издревле славились не только искусством строить храмы, но и умением воздвигать их там, где они наилучшим образом смотрелись бы и гармонично сочетались с окрестным ландшафтом.

Наша новороссийская церковь Успения Пресвятой Богородицы не смеет соперничать с церковью Покрова на Нерли. Но что-то родственное по духу, и подобию в ней есть, так светла она и радостна!

Ее строительство относится к концу прошлого века. Храм был воздвигнут на возвышенности у пересечения двух дорог и хорошо был виден со всех концов города. Его белое стройное здание становилось заметным, когда въезжали со стороны Кубани, миновав Волчьи ворота, а с Сухумского шоссе - где-то уже с десятого километра.

В 1937 году церковь была закрыта. Рабочие, вооруженные топорами и ломami, крушили богатое убранство: с высокой паперти летели части иконостаса, Царские врата, иконы древнего письма и многое другое.

Куда это было свезено, уничтожено ли - неизвестно. Помещение церкви было превращено в склад.

Немецкие бомбардировщики появились в небе Новороссийска в первые дни войны, а скоро город стал главной базой Черноморского флота: Севастополь переживал дни своей 255-дневной блокады, Причалы. Новороссийского порта были забиты военными кораблями. Городские жители делали все возможное; и невозможное, чтобы обеспечить нужды этой огромной и страшной войны. Главные предприятия города перешли на выпуск оборонной продукции и работали под лозунгом: "Все для фронта, все - для победы над врагом!". Школы были отданы под казармы и госпитали, горожане принимали на постой красноармейцев, ожидавших отправления в блокированный Севастополь, строили на подступах к городу долговременные укрепления и рыли окопы.

Немцы вошли в город без особого сопротивления. Они обошли созданную линию обороны и вышли в тыл частям, оборонявшим город. Судьба Новороссийска была предрешена.

К 9 сентября город оказался в руках оккупантов. Почти весь, за исключением цементного завода "Октябрь" и его поселка в восточной части города, у начала Сухумского шоссе.

Фронт остановился у стен завода, там, где чудом удержались и стали насмерть наши солдаты. Ни советская власть, ни верховное военное командование этого не предполагали и не планировали создать здесь рубеж обороны.

Новороссийск в чем-то схож с положением Сталинграда осени 1942 года. Город как будто и сдан врагу, а сопротивление в нем продолжается. Уже далеко после окончания войны авторитеты не определились в этом вопросе. На цоколе памятника на городской площади сначала написали: "Освободителям города Новороссийска". Потом, лет пять спустя, первоначальную надпись сняли и установили новую: "Защитникам города Новороссийска".

В оккупированной части города положение и беды населения немцев не волновали. Не работали водопровод, канализация, отсутствовало электричество, медицинские учреждения, снабжение населения продуктами не было организовано. Когда люди доели свои скудные запасы, начался голод.

Вереницы женщин и подростков пешком потянулись в ближайшие кубанские станции менять вещи на продукты, в основном на кукурузу и пшеницу. Этим и жили многие.

Господствующие высоты к востоку от города находились в руках советских войск, город отлично просматривался и регулярно обстреливался нашей же артиллерией. Штурмовики с аэродрома Геленджика утюжили город днем, а женский авиационный полк ночных бомбардировщиков назойливо висел над головой оккупантов и жителей, методично сбрасывая мелкие бомбы.

Как ни печально, но от огня артиллерии и налетов авиации в пределах города страдало прежде всего гражданское население.

Успех артиллерийских стрельб не в последнюю очередь определялся таким отличным ориентиром, каким являлось стройное здание новороссийской церкви Успения Пресвятой Богородицы, оно отлично просматривалось со всех сторон. К тому же все строения в городе в начале войны были перекрашены в серые и темносерые цвета. А церковь, то ли не успели, то ли из-за бесхозности, осталась единственным светлым пятном во всем городе.

Пока по ней непосредственно не стреляли, но только пока. При всем жестоком отношении к населению города немцы-католики, немцы-лютеране не препятствовали возрождению православного храма.

Восстановительными работами занялись старики-строители и художники. И те и другие были бесребрениками, работали не за страх, а за совесть.

В первую очередь, они восстановили, как могли, иконостас. Часть икон была написана художниками-восстановителями, большинство же были переданы в дар церкви ее прихожанами. Масляные фрески на стенах и сводах храма в свое время не были уничтожены, ко времени вторичного освящения церкви они выглядели вполне хорошо.

Первое богослужение состоялось уже в конце осени 1942 года. Пришло много жителей, входили смиренно и благоговейно, с молчаливым поклоном, осеняя себя крестным знаменем. Леса еще не успели убрать. На них расположились местные мальчишки, многие из них, вероятно, впервые присутствовали на церковной службе. Вели себя благопристойно, и никто не трогал их с облюбованных мест.

Службу вел отец Петр. Облачен он был в новые светлые одежды, сшитые накануне женщинами-прихожанами.

Убранство церкви было скромным, в алтаре стоял домашний стол, накрытый простой белой скатертью, с Распятием. У икон теплились разноцветные лампы, а сами иконы укрыты светлыми рушниками, тщательно выстиранными и отглаженными. Уже потом появились шитые золотом скатерти, дорожки, ковры и коврики - все это достали из заветных сундуков и отдали в дар церкви простые прихожане, в первую очередь пожилые женщины. Это они скоблили, отмывали ступы, полы, что-то шили раскладывали и развешивали.

У правого и левого клироса стояли два старых паникадила, сверкавшие начищенной медью, неизвестно где найденные и возвращенные вновь в храм.

Трудно было жить во фронтовом городе. Голод, постоянные поборы и жестокое обращение оккупационных властей, каждодневная опасность погибнуть от своих же снарядов и бомб, отсутствие какой бы то ни было информации о происходящем в мире делали церковь единственным прибежищем и надеждой в это роковое для горожан время. Церковь духовно поддерживала, давала утешение. Церковь, вот она, ее двери открыты целый день, входи - никто тебе не

воспрепятствует, не потребует пропуска, не спросит, кто ты, почему пришел. Войди в храм Божий, молись или лицедей, никто тебя ни к чему не принуждает, не преследует, не удерживает. Истинно сказано: "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные... и найдите покой душам вашим..."

Церковь была всегда полна. Здесь были и стар и млад, в основном женщины; Это их мужья, братья, сыновья находились по ту сторону фронта и вели жестокую и справедливую битву с врагом, которую они именовали Великой Отечественной войной. В молитвах о здравии превалировали мужские имена, это не было случайным: народ повседневно молился о защитниках Отечества, о своих родных.

Это все давно осознал отец Петр. С властями он был сдержан, долгожданых оккупантами слов о даровании победы немецкому оружию он так и не произнес.

Комендантский режим в городе был ужесточен с высадкой на Станичке нашего десанта морской пехоты в ночь на 4 февраля 1943 года. В городе расширили запретные зоны, за нарушение которых грозил расстрел на месте.

Весна 1943 года выдалась ранняя, дружная. В ясные, теплые дни под аккомпанемент незатихающих разрывов бомб, снарядов на цементных заводах и Малой Земле горожане кропотливо обрабатывали свои дворовые огороды. Все же какая ни есть поддержка. Буйно цвели плодовые деревья, обещая необычайно обильный урожай. А пока люди доедали свои последние запасы. Получить пропуск на право выхода из города стало очень трудно.

Всех коров и другую живность немцы потребовали сдать. За невыполнение приказа грозил расстрел. Свирепствовал голод, надежда на быстрое освобождение от оккупантов постепенно оставляла жителей.

Вот и пришла Пасха, Светлое Христово Воскресение выпало в этом году на 25 апреля. С Пасхальной Всенощной службой получилось неладное: действовал комендантский час, Всенощную немцы запретили. Пасху пришлось праздновать вопреки православным канонам.

Службу освящения куличей отец Петр вынужден был провести до наступления темноты 24 апреля, а Всенощную начать на рассвете, 25 апреля, с окончанием комендантского часа.

Получилось нечто необычное, противоестественное. Такого, вероятно, в истории православия и не было. Но ничего не поделаешь - обстоятельства диктуют поведение.

Куличи, испеченные из кукурузной муки, и муки? смолотой из горелой пшеницы, которой некоторые запаслись со сгоревшей мельницы. Асланиди, и снедь, какую смогли собрать, святили в лучах уходящего солнца в обстановке фронтового города. Непрерывно шел бой на Малой Земле, грохотало в районе цемзаводов. По городу то там, то здесь рвались снаряды нашей артиллерии. Но в округе церкви было спокойно. Мирно было и в сердцах людей. Верили - наши не допустят обстрела в эти праздничные дни. Действительно, в этот вечер ни один снаряд не разорвался поблизости. Расходились по домам нехотя, не торопясь.

Ранним утром 25 апреля, едва забрезжил рассвет, жители ближайших домов потянулись к церкви. Фронт погрохатывал как обычно, морской ветер отчетливо доносил автоматные и пулеметные очереди. Но это уже и не замечали: за долгие месяцы к этому привыкли.

В храм входили со смирением и кротостью, крестясь на ступенях паперти. Перед иконами теплились лампы, их слабый и трепетный огонь едва освещал лики святых. В левом притворе скорбно возвышалось Распятие Господне. Приглушенно звучал голос пономаря, читавшего Деяния Апостолов.

Прихожане располагались группками, поближе к знакомым, родственникам. Вот у иконы Богородицы стоит моя тетя Лукерья Кирилловна. Своей покровительницей тетя Луша считала Матерь Божию. Сегодня она умиротворенная спокойная. "Богородица, Дева, радуйся..." - шепчут ее губы. О чем думает тетя, о чем жалуется Деве Марии? Накануне немцы угнали с ее двора корову Нежданку, кормилицу, источник благополучия Нежданку солдаты уводили под слезы и причитания тети. А час спустя бросили ей через забор голову, четыре ноги и хвост любимой коровы. "Лучше б они не кидали мне все это" - жаловалась она.

Прямо у Распятія стоит бабушка Александра Николаевна Полякова, наша соседка. Она всегда добра и спокойна. Скрытая улыбка, как у Моны Лизы, никогда не покидала ее лица. Сегодня она в праздничном наряде, чиста и опрятна. О чем думает она, о чем молится? Конечно же, о своих близких. Ее внук-подросток Анатолий вопреки воли матери с морской частью покинул Новороссийск перед самым приходом немцев.

"Что с ним? Ведь совсем ребенок. Боже, храни его!".

Тогда бабушка Александра не знала, что Толя совсем рядом за линией фронта, в Геленджике. Служит в четвертом дивизионе сторожевых катеров и участвует в операциях на Малой Земле. Что с войны вернется с тяжелейшим ранением, но поступит в МВТУ им. Баумана, станет учеником Сергея Павловича Королева и будет ответственным сотрудником его Космического бюро.

"Храни, Боже, и зятя моего, Николая. Воюет он против немцев. А жив ли? Где он сейчас. Храни его, Боже! Ведь ох как трудно придется моей дочери Александре: двое малых у нее сейчас на руках, да Толька-пострел. Кто ей поможет?! А я уж не помощница. Ты, Боже, знаешь, дед мой Николай недавно помер. Любил он Россию, не приняла душа его вражий плен, так в горечи и слег в могилу. Схоронили его в своем дворе. Упокой душу его, Господи!".

А вот на правом клиросе среди певчих слепая Мария Ивановна, Маленькая, сухонькая. Слушая чтение, она напряженно морщит лоб, о чем-то сосредоточенно думает. Мария Ивановна - человек тонкой души и высокого интеллекта, она смолянка, воспитанница института благородных девиц в Питере. Мария Ивановна пишет стихи. Дома у нее стопы листов плотной бумаги, испещренные записями по методу Брели. Стихи она подписывает псевдонимом Мария Туманская.

Совсем недавно у нее умер муж - музыкант. Где-то там за линией фронта сражается ее единственный сын Володька. Его в городе все знали, он работал инструктором в городском комитете Осовиахима. С начала войны ушел в армию.

«Где он сейчас? Что с ним?! Храни его, Боже!».

Церковь постепенно заполняется людьми. Все они наши знакомые, соседи. Вот входит в сопровождении матери и своей тетки мой друг и одноклассник Ваня

Булавинцев. У его матери и тети летом постоянно шелушатся от солнца носы. Лето еще не наступило, но у Вани нос уже облупился. Ваня самый младший в семье, страшный баловник, но «Отче наш» знает и крест на шее носит. Они все трое останавливаются у Плащаницы, набожно крестясь и отвешивая поклоны. Мать Вани проводила на фронт троих сыновей. Сейчас им неизвестно, что из них инвалидом с войны возвратится только один - Илюша, Двое самых старших сложат свои головы за Отечество.

Вошли четыре немецких солдата в зеленой форме, но без оружия. Сняли пилотки, заткнули их за пояса. Стоят рядом, с любопытством оглядываются, изредка тихо переговариваются. На них никто не обращает внимания. Недолго постояли, посмотрели и тихо удалились.

Чтение Деяний Апостолов закончилось. - «Благослави Владыко - слышится голос отца Петра, - Святый Боже, Снятый Крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас...».

Немногочисленный церковный хор вторит ему. Люди совершают молитву истово, сосредоточенно на лицах многих женщин слезы. Их можно понять: все они пришли сюда с болью, надеждой на помощь Всевышнего, желанием искренней молитвой хоть на немножечко облегчить свою жизнь и жизнь своих близких."

Давно наступил рассвет, где-то над торами, за линией фронта поднялось солнце. Багряное, с трудом пробивающееся сквозь облака, наплывающие с моря. Всенощная продолжается в лучах солнца.

«Воспойте, люди...»

Плащаницу уносят. Должен начаться крестный ход. С крестным ходом вокруг храма пошли только духовенство и служители с хоругвями. Народ попросили от участия в крестном ходе воздержаться: все-таки фронт.

Оставшиеся в церкви подхватывают стихиру крестного хода.

Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах: и нас на земле сподоби чистым сердцем Тебе славить».

Крестный ход закончен, и звучит ликующий голос отца Петра: «Христос воскрес»!! «Во истину воскрес! - в едином порыве подхватывают все.

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровал» - поет хор на клиросе.

Прихожане на какой-то момент забыли свои боли и горести. Радость и ликование овладели всеми. Лица посветлели.

Первый снаряд ударил поблизости у старой бани, второй - сделав перелет, разорвался за церковью на улице Чайковской.

Вилка. Третий попадет в церковь или разорвется около. Народ заволновался: неужели свои, в такой день!?

Третий снаряд упал рядом со зданием церкви. Зазвенели разбившиеся стекла окон. Плотная толпа качнулась к дверям храма. Хор умолк.

Но тут прозвучал громкий и спокойный голос отца Петра:

«Воскресение Твое Господне, поклонимся Святому Воскресению!..»

Люди остановились, замерли. В какое-то короткое мгновение они поняли, что отец Петр не намерен прекратить пасхальную службу и что их долг, долг верующих, остаться в храме. И, как первые христиане в подобном положении, они бросили вызов смерти.

Снаряды падали у стен, попадали в стены. Храм сотрясся. Опять звенело разбитое стекло, гасли свечи и лампы. Запахло гарью тротила.

Пали на колена, молились горячо, славили Воскресение Христово в состоянии жуткого восторга и духовного подъема. И все они слились в одну единую огромную душу, для которой разрушение и смерть на земле стали второстепенным, далеким, достойным презрения. Все ужасное, что происходило вокруг, ничего не значило сейчас перед лицом вечной жизни, вечного мира, в который они готовы были с радостью вступить. Служба продолжалась. Стены храма оказались крепкими, впервые в отечественной практике в них был заложен железобетон. Очевидно, он и выдерживал удары снарядов среднего калибра.

Наступило затишье. У стен храма и во дворе лежали убитые, стонали раненые. Бабушка Александра Полякова лежала на земле у правого притвора храма в луже крови, с тяжелым ранением в бедро, белая кость проглядывала сквозь рваную одежду.

Тишина оказалась непродолжительной. Начался новый огневой налет, на сей раз тяжелыми снарядами. Их было семь. Эллипс рассеяния их был довольно велик. Первый снова упал у бани. Потом рвануло у кузен Привоза. Один занесло в квартал улицы Профсоюзной. Убило дядю Петю Пухальского и находившегося подле него нашего приятеля Леньку.

А служба в храме продолжалась.

Отец Петр заканчивал чтение Слова Святого Иоана Златоуста.

«Никто не бойся смерти, потому что Смерть Спасителя освободила нас от смерти...».

Шестой снаряд упал на проезжую часть улицы прямо перед церковью, в метрах 50-ти от нее.

Отец Петр читал отпуст.

Артиллеристы сделали поправку на 1-2 деления прицела, и следующий тяжелый снаряд ударил у фундамента алтаря храма. Передняя стена его, выложенная керченским известняком, силой взрывной волны разлетелась в прах.

То, что наводчик-артиллерист не накрутил еще одно деление прицела, должно быть приписано самому Господу Богу: если бы снаряд прошел стену алтаря и разорвался бы внутри церкви, быть большой беде.

Когда рванул последний снаряд и молящиеся подняли головы, от пола, они увидели сквозь зияющий провал алтаря яркое солнце и его лучи веером, четко обозначившиеся в оседающей мгле. И лица их, и одежды были белы.

Над головами грозно раскачивалось огромное подвесное паникадило, оно удержалось на цепи и постепенно уменьшало размах колебаний.

Отец Петр остался жив. Он с трудом выбрался из-под обломков. Весь белый, как мраморное изваяние, стоял оглушенный силой взрыва. Потом шатаясь, неверными шагами подошел к валявшемуся на полу семисвечнику, поднял его. С ним в руках он хотел спуститься по ступеням к своей пастве. За его головой сверкало солнце.

И в это время раздались взволнованные крики его прихожан:

-Прокляни окаянных!!

-Анафема отцеубийцам!!

Отец Петр стоял, скорбно внемля этим голосам. Мысль его напряженно работала. Он медлил, в чём-то сомневался и судорожно пытался найти только то одно, одно, единственное правильное решение, которое определит его отношение и отношение его паствы к тому страшному и кровавому событию, свершившемуся сейчас, отношение к виновникам происшедшего. Отец Петр еще немного постоял в неуверенности, а потом произнес слова Нагорной Проповеди:

«-Блаженны плачущие, ибо они утешатся

-Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

-Блаженны милостливые, ибо они помилованы будут».

-Прости Господи, - продолжал он, - жестокосердие и духовную слепоту сынов наших. Помилуй их, ибо не знают они, что творят!

Потом твердым голосом обратился ко всем присутствующим:

-Христос воскрес!

И трижды услышал в ответ:

-Во истину воскрес!

-А теперь, братья и сестры, упокоим тела невинноубиенных и омоем раны пострадавших.

Поэтесса Мария Туманская отметила этот день своим стихотворением «Бедные люди, русские люди».

P.S.

Уже в 1994 году я обратился в Санкт-Петербургский Военно-исторический Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Мне хотелось получить квалифицированную консультацию о калибре орудий, выпустивших те последние семь снарядов. Воронка от разрыва одного из них занимала всю проезжую часть улицы.

Я воздержался назвать город и обстоятельства, приведшие меня в музей. Выслушав меня внимательно, пожилой научный сотрудник музея артиллерист, с планками наград на груди, предложил мне выйти на открытую площадку перед входом в музей. Здесь на всеобщее обозрение выставлена артиллерия последних войн, в т.ч. и Великой Отечественной.

Он указал мне рукой и сказал: «Стреляло примерно такое орудие».

На табличке музейного экспоната я прочитал:

«203-мм гаубица образца 1931 года № 242. Наибольшая дальность стрельбы 18260 м. Стояла на вооружении 124 отдельной гаубичной артиллерийской, ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады большой мощности.

Командир орудия – сержант **Джонашвили..**

Орудие применялось в боях при освобождении Новороссийска, Белорусии, Польши, при штурме Рейхстага».

Воспоминания записала и оформила

Кристина Боткина

2012г